

Ольга Бекетова

За тактовой чертой

Посвящается моему папе.

Автор ни в коем случае не претендует на высокое право поэта. Но, конечно, надеется, что стихи найдут отклик в душе читателя и, может быть, даже кому-то помогут.

Географические названия здесь не обладают «потаянным смыслом».

О.Б.

Мы поем сегодня песни,
Нам вдвоем хорошо.
Это папа, мой кудесник,
Мне на выручку пришел.

Он играет на баяне,
Пальцы скачут в лад.
Я ему фальшиво вторю.
Он не спорит, он не спорит.
Я ведь – дочка. Он мне рад.

2007

*А маленькую доброту, как шляпу,
оставляй в прихожей.*

Вл.Ходасевич.

В этой старой квартире,
Как в деревянном буфете,
Есть корица, печенье и джем.
И когда вам захочется повеселиться,
Приходите, пожалуйста,
Здесь рады всем.

Но если вдруг
вы в печали придете,
Оставьте ее в прихожей,
повесив на гвоздь.
Я сам печалился тоже,
Изучив винограда гроздь.

Но печенье, корица и джем
Не позволяют
Скучать и толстеть.
Нужно всего-то немножко –
Юмора крошку, стих под гармошку
И можно в небо взлететь.

2007

Я выхожу на улицу.
Я открываю окна.
Мне надоело сутулиться.
Хватит! Иду под дождем мокнуть.

Воздуха глоток влажный.
Отныне я не бессилён.
Я повожу лопатками,
Где-то там – крылья.

По-через-над лужами
Вскачь, вперед и почти
Без усилий, я взлетаю выше и, ...
Господи!

Как же отрадно думать,
Что я – не из отряда рептилий.

2007

Когда я камушек в кармашек положу
И оберну его рогожкой сухой,

Я словно старый замок
напишу
И ящик с красками закрою.

Он будет жить и без меня,
Своею жизнью, никого не раня.
Моя история, моя. А не какая-нибудь,
другая.

2007

Поэт

Посв. В.Б.

Он светел, но не от слова свобода.
Он влюбчив, но не от слова любим.
Он знает, когда затихает природа
И часто бывает весел, слова обращая в дым.

Когда он задумчив, то мысли уходят непросто.
Он впечатлителен, но презирает Печать*.
И снится ему далекий – таинственный остров,
Такой, как у Робинзона, но до него не достать.

Непредсказуем, беспечен, задирчив,
Бывает капризен, нелеп и смешон.
И если добавить хоть крошку усилья,
Летел бы по волнам челн.

Он сердцем дышать пытается,
Он слышит эфир, он чувствует поступь муз.
Но лиру свою, обернув холстиною старенькой,
Без сожалений выбрасывает, как груз.

---

* - здесь в значении «цензура»

февраль 2007

MENTON

Памяти Ж.Кокто.

Здесь свет примечательно-странный!
Вы НЕ замечали?
Он все заливаает
оранжево-охристым светом,
Навек оставляя в печали.

Стены, оконца и ставни
Глядят и глядят.
Чайки над морем качаясь,
Галдят, галдят.

Здесь в воздухе память кружится!
Вы слышите, нет?
Здесь мимолетность,
вплетаясь в сюжет, повторится
Тысячу лет.

Стены, оконца одеты неброско.
Молчат, молчат.
Вихрем скачусь по проулку –
За мною – толпа ребят.

Здесь жил и Орфей, певец неустанный,
Вы помните, да?
Здесь Смерть* закружилась,
На скатерть экрана взойдя,
Как звезда.

Стены, оконца видали довольно
Всего, всего.
Только запомнят, как тайну
Его, одного, как - то - Cocteau.

---

* - в значении спутницы поэта

Моряк отважен и горд собой.
Его кораблик – не бумажный, стальной.
Глядит открыто, но смущенье
Чуть выдает. Все в прошлом. На стене – портрет его.
В настоящем –
Столик, кружка эля и аренды счет.
Вот жизнь какая, не гадал он,
К чему придет. Хозяин придорожной
Харчевни. Сам кофе подает и
Мелкую монету сдает.

Наверно, он ходил когда-то
В открытый океан, и не одна красotka
Прятала его портрет в карман.
Наверно, был когда-то он
Совсем непобедим.
И полчища хромых пиратов
Охотилось за ним.

Я тихо камеру из под стола достану
И – чпок! Затвор сработал, снимок
Выйдет, верно, не плохой. Хозяин безразлично
Кудлатой вертит головой и смотрит
в сторону тв экрана.
Ему, конечно, все равно кого я щелкнула –
ЕГО или портрет стального капитана.

Портрет лежит в кармашке у меня.
А угадать, кто там – моряк или
Владелец кабачка – я предложу
Читателю.

Perros-Guirec, 2006

Наверно, человек всегда бывает одинок.
Пред Богом он – один, по сути.
И даже близкие, подчас, корят его,
И часто судят.

Мой милый Ангел, ты прости меня,
В пылу сердечном я наговорил так много.
Не отойди, не отойди, храни меня,
Веди моей дорогой.

О, если б мог я хоть на миг
Нырнуть в тропинку у чертополоха!
Мне улыбнется мама, и отец, взмахнув рукой,
Вернет мне солнца мячик золотой
И я пойму, что все не так уж плохо.

2007

Давай поделим поровну печаль,
что жжет в груди, как костерок потухший,
жжет сухой осенний листик...

Здесь была когда-то речка, а совсем давно река.
Здесь чудесное местечко. Будто радуга-дуга
Выгнул спинку мостик старый, дремлет ивы тень.
Затухает на пригорке суетливый день...

Льется песенка-речушка, вторит ей река.
Не забыть мне тихой песни деда-рыбака.
Это было, это было – повторится вновь...
Дочка знает, дрогнет ветка, вспомнив про любовь...

Феечка

В доме страшный кавардак –
Все в смятеньи.
Удивляются игрушки и растенья.

На плите вскипает чан,
Тесто лезет во все стороны,
И мука летает в воздухе
Белою вороною.

Что же это происходит,
А, товарищи?
Это феечка гостит,
Угощает пирогами.

Жила-была сказка
Довольно простая,
Довольно смешная на вид.
О том как сапожник,
Объевшись пирожных,
Случайно стал знаменит.

Другая история,
С ней чем-то схожая -
Про даму, что в сумке живет.
Ей вовсе не тесно,
Ее повсеместно ждут слава,
Хвала и почет.

А в городе Туре,
На речке Луаре живет
Очень старенький дед.
Он был мушкетером,
Служанки стонали при виде его эполет.
Когда-то, о Боже! Играл на гобое
Самой королеве гавот.
Придворные дамы попадали в ложе
При звуках трагических нот.

Он весел, улыбчив и даже доволен
Своею прекрасной судьбой.
Вот только не может он вспомнить, хоть тресни,
Зачем ему нужен гобой.

Малышка из города Канна
Поймала в стакане ерша,
И крикнула громко,
Так сильно, так рьяно,
Что папа пролил весь свой суп из ковша.

Еще эта девочка славилась прытью
Взбираться как вихрь на стенные шкафы.
Ногами болтая, сухарь догрызая, читала
Эльфийские ми -фы - пфы- пчхи!

Малышка из города Канна
Варила для кукол бульон...
Бульон из шампуня, бульон из присыпки,
Из старых резинок бульон...

Вдруг мама вошла и сказала так тихо,
Как только умеет она:
Зачем же ты, дочка, здесь соришь так лихо?!
Теперь подметай вот сама.

Малышка мела, а в ушах все звучало: зачем, зачем, зачем...
Бульон в туалете исчез постепенно,
И куклы остались ни с чем.

Трубадур поневоле

Я захвачен...В плену!..
Без сомненья...
В ночь затмения Луны не приду.

Мне бы ждать да терпеть,
Но без песни сидеть
Просто так, кое-как не смогу.

И приходит волна...
И несет мне ключи,
Чтоб я мог без труда отпереть,

Все засовы открыть, отворить и –
Творить!
И забыть, и забыть, все навеки забыть
Даже радость быть рядом с тобой.

Я свободен!.. Оков нет как нет...
Только ров не наполнен водой.
Знать, вода все, что знала, взяла
И ушла, утекла на покой...

О! Как быть, коль другим мне не слыть...
Я вину искупить только песней могу одной...

Я втиснут в ритм эпохи остролиста...
Я вынул сердце - пламенный мотор.
Мой предок - пацифист эпохи твиста
«Расстрелян» был без выстрелов в упор.

Я не считал, не чаял, не лелеял
Свою мечту с огнем соединить.
И мучился, и, горестно краснея,
Желал лишь одного - хоть как-нибудь доплыть.

Но если вдруг мой сын меня осудит,
Пусть вспомнит он унылой той порой-
Я руки простирал навстречу людям, стремясь
Узнать что там, за тактовой чертой.

2008

За тактовой чертой.

К.Бальмонту

Я слушал молчание ветра,
Я видел цветы под ногами.
Как паузы были красивы...
И рифмы приятны...местами.

Я ощущал колыханье
Всех звуков, живущих в эфире...
Их гордые ветры трепали,
Их нежные нимфы любили.

И там я был смел и отважен,
И там повстречал Пелагию*...
Она протянула мне лиру
бумажную,
А я ей вернул три другие.*

* Пелагия - покровительница всех растерявшихся поэтов

* стеклянную – оловянную – деревянную

2008